

...Он был зелёного цвета, двух метров ростом и любил классическую русскую литературу. Он пугал Якудзу как Карлсон жуликов и спас Токио от землетрясения. Его звали Дружище Квак, и он был самым лучшим дружищем в этом недружищенском мире. Его убил Харуки Мураками. Этого мы ему не простим.

— Нет, — сказал или вернее квакнул кто-то за моей спиной, — это ты зря написал.

Тот факт что, не считая кошки, я был в квартире один, писал пост о Мураками и его гигантской прямоходящей лягушке, а голос раздался, откуда-то из-под потолка оставлял немного вариантов объяснения происходящего. Хотя можно было надеяться, что меня посетил простой полтергейст.

— Почему... зря... — повернулся я к говорившему.

— Потому, — поднял к потолку палец Дружище Квак, — что писатель является творцом своего мира, и никто ничего не может ему указывать!

Когда в пушкинской мансарде двухметровая лягушка начинает тыкать пальцем в потолок, она тыкает в него в прямом смысле. Конечно, ко мне не каждый день являлись погибшие литературные персонажи, но ещё старина Уэллс описал лучшую форму контакта с неведомым. Когда джентльмен в своём клубе встречает призрака, он просто выясняет, имеет ли он (призрак, а не джентльмен) право там находиться.

— Вы знаете, обычно я не прихожу без приглашения, но в некотором роде ваш пост может быть воспринят как приглашение,... так что я просто воспользовался случаем.

Кроме того, что он был зелёным, он ещё и просвечивал к тому же. И то ли эта полупрозрачность, то ли его вызывающая мультяшность не давали воспринимать ситуацию всерьёз. Меня не покидало ощущение, что вот сейчас я проснусь посреди пустыни и вспомню что я шаман.

— Скажите...

— Дружище Квак, — мягко подсказал зеленоватый призрак.

— Да, а почему вы прозрачный, вроде как у Мураками вы были более материальны или всё дело в вашей смерти?

— Нет, — отмахнулся он. — Для персонажей смерть не помеха. Многие после неё только и жить по-настоящему начинают. Вот Анна Каренина... — с нежностью произнёс этот любитель русской классики, — нет, всё дело в том, что вы в меня не верите. То есть после чтения рассказа обо мне у вас в сознании не появилось чёткого образа. Отсюда и сложности с визуализацией.

Наверно будет лучше так, — двухметровая зелёная лягушка уменьшилась в росте больше чем вдвое, посерела, на голове появились сдвинутые на макушку очки консервы, а на плечах — кожаная безрукавка. И главное он (а теперь в том, что это именно он не было никаких сомнений) стал вещественным. — Вот, это образ вам гораздо ближе.

— Да, спасибо. — Разум, до этого момента прибывавший в ступоре попрощался и отправился на поиски более прочной крыши. — Чаю хотите?

— Непременно. — Лягушонок присел, расставив лапки в сторону, и вытянул руки вперёд, как будто садился на невидимый мотоцикл. — Мы должны обсудить с вами архиважное дело, так что без чайной церемонии никак не обойтись. — Он покрутил кулаками в воздухе, как будто заводил невидимый мотоцикл и, оторвав ноги от пола, медленно поплыл на кухню.

Когда я прошёл за ним туда, он уже ставил электрический чайник.

— Вы владеете искусством чайной церемонии? Впрочем, что это я, вы же японец. А что за дело?

— А вы не помните? — Удивился он, вися в воздухе возле столешницы. — У вас назначено интервью с Сатаной...

— Как я могу не помнить то, чего никогда не знал? — Я сидел на мягком уголке за кухонным столом, а мой собеседник парил в воздухе над столешницей, выбирая из шкафчика чашки покрасивей.

— А, — махнул лапкой лягушонок, — не переживайте. Скоро сами во всём разберётесь.

Забавно, но только сейчас я заметил, что его слова не сочетаются с тем, как он открывал рот. Было, похоже, что я скорее улавливал общий смысл, а словесную оболочку он приобретал в неком, специально для этого предназначенном участке моего мозга. Это было похоже на не очень качественную галлюцинацию или на обычную телепатию.

Тем временем Дружище Квак шустро расставил чайный прибор из двух чашек и заварочного чайника. Причём одну шашку он взял большую, а другую маленькую.

— Чайная церемония включает в себя два главных понятия, — важно изрёк лягушонок, заваривая земляничный зелёный чай. Его он нашёл без моей помощи, как и всё прочее на моей кухне. — Это чистота и простота.

— Скажите, Дружище... я запнулся. Теперь, когда он так здорово уменьшился, называть его так было, почему-то сложнее.

— Зовите меня теперь Просто Квак. Будем стремиться к простоте. Конечно, по всем правилам,

мы должны были бы сидеть в чайном домике на берегу озера или там посреди сада, но обойдёмся одним столом с чашками, так ещё проще.

— Хорошо, Просто Квак, вы говорили об интервью?

— Да. — Лягушонок сидел в воздухе перед столом и, держа в лапках заварочный чайник, сосредоточенно взбалтывал его против часовой стрелки. — Вы о Конце Света слышали? — Он поставил чайник на стол и накрыл его своим шлемом.

— Конечно, как и любой...

— Вот, по правилам заведено, что перед такими важными событиями участвующие в них стороны должны давать интервью.

— ... Мыслей у меня в голове не осталось, так что я просто молча смотрел в его выпученные глазки.

— Вот, — он взял в каждую лапку по чашке, — теперь вам нужно понять с кем или даже с чем вы будете иметь дело. Представьте, что у меня в руках два гиперболических зеркала и, поместив их одно против другого, — он повернул чашки друг к другу, — мы получим устройство, которое крупнейший мистик 20 века назвал Гиперболоидом. И подробно описал его в главном труде своей жизни. Правда, чтобы его напечатать в условиях диктатуры пролетариата ему пришлось зашифровать своё тайное знание в сюжет фантастического детектива.

Так вот. Главное, что нам нужно знать это то, что гиперболическое зеркало, — Квак показал мне большую чашку, — собирает весь попадающий на него свет в одну точку. А размещённое в этом фокусе малое вогнутое зеркало, — Квак показал маленькую чашку, — отражает концентрированную там тепловую энергию за пределы большого зеркала через отверстие в его центре. — Лягушонок постучал длинным пальцем по дну большой чашки. Перепонки у него не было.

— В реальности такое устройство построить не возможно. Квак поставил чашки, и, сняв с чайника одной лапкой свой шлем, другой быстро разлил чай. — Но здесь главное принцип. Наш мир устроен как гигантский Гиперболоид.

Передо мной он поставил меньшую чашку, а себе взял ту, что была в два раза больше. — Вот, например Средства массовой информации освещают некое событие, — он отхлебнул из чашки и сразу стало понятно, почему он выбрал большую. С его ртом от уха до уха маленькой не хватило бы и на один глоток.

— Когда газеты или телевидение освещает событие, то внимание людей, на какой-то период времени концентрируется на нём. Вернее даже не на нём самом, а на той его точке, которую им показали. А после эту информационно-эмоциональную энергию отражают на создание или

разрушения чьей-то карьеры, имиджа или состояния.

Вот только ничего в нашем мире не исчезает, а если учесть что все СМИ концентрируются главным образом на негативе, то вам должно быть понятно, что творится сейчас в ментальной сфере человечества. Напряжение и ненависть возрастают.

Конечно, СМИ не единственный фактор, всё общество всё больше и больше концентрируется на отрицательных сторонах человеческой природы,... раньше для сброса этой накопившейся злобы устраивали войны, но после второй мировой, это стало несколько сложно. Возможности современных войн сильно уступают потребностям цивилизации. Так что если сейчас случится глобальный прорыв отрицательной энергии, человечество исчезнет.

Говорил он весьма серьёзные вещи, вот только облик его настолько с ними не сочетался, что возникало странное ощущение раздвоения реальности. Эдакая кухонная сумеречная зона.

Я поднёс к губам чашку, но оказалось, что чай я уже выпил, даже не заметив как. Только на языке остался его привкус да на дне чашки несколько чайнок образовали некий иероглиф.

— Ещё чаю? - участливо спросил лягушонок и, не дожидаясь ответа, налил мне и себе.

— А что изменилось после Второй мировой?

— Слишком большую роль в обществе стали играть СМИ и кинематограф. Слишком легко людям стало концентрироваться на насилии. Слишком это оказалось выгодно. Никакого дьявольского умысла, обычный маркетинг. Насилие - внимание - рейтинг — реклама - деньги. А деньги должны приносить большие деньги и соответственно нужно больше насилия. Если раньше о преступлениях, катастрофах знали лишь непосредственно те, кого это коснулось, то теперь... — Квак махнул лапкой и за раз опрокинул в себя весь чай.

— И теперь, вы хотите сказать, настало время прорыва?

— Точно. Но всё предопределено. Количество тёмной энергии, её концентрация для прорыва в вашу реальность заранее известны. Хоть для Вселенной это один миг, но у вас то, это тысячелетия тянется, так что, чтобы не допустить анархии всем этим безобразиям должен кто-то управлять.

— Сатана?

— Точно, — впервые лягушонок выглядел серьёзным. — Тёмное пространство у вас называют Адом. Хотите посмотреть?

— Ад... не знаю.

— Да всё будет тип-топ. — К нему снова вернулась мультяшная жизнерадостность. — Я к вам затем и пришёл, чтобы в курс дела ввести.

Квак протянул лапку и выложил по центру стола две пилюли. Зелёную и белую.

— А теперь ты скажешь, что если я возьму белую, то завтра проснусь в своей кровати и ничего не буду помнить, а если зелёную...

— Зелёная для меня, — мягко как психиатр своему новому клиенту, — объяснил Квак.

Есть несколько путей живому человеку попасть в загробный мир, — помолчав минутку продолжил он, — и только два, вернуться обратно. Первый вам никак не подойдёт, можете мне поверить. Остаётся один путь - пройти шаманской тропой. Квак взял зелёную капсулу, я белую.

— И что теперь?

— Подождём немного, — лягушонок подлетел к небольшому кухонному телевизору и ткнул в него пальцем. Экран озарился багровыми всполохами, будто с другой стороны к стеклу поднесли факел.

Довольно быстро выяснилось, что багровые всполохи на экране были обычным костром и вокруг него, скрестив ноги, сидели трое. Что-то было в их облике, нечто неуловимое, но безошибочно указывающее на их кастовую принадлежность. Не какая-то отдельная деталь, а общее впечатление, мерцающее неоновой рекламой поперёк их аур. Короче передо мной были самые настоящие шаманы.

Лимбо

— Морок, однако, — протянул молодой шаман с цепью на ноге, показывая на меня пальцем.

— Что-то рано... — задумчиво протянул Шаман постарше, раскуривавший длинную трубку. А третий, старик с отрешенным лицом ничего не сказал. Вместе мы образовывали как бы крест. Слева от костра сидел молодой ловец глюков, напротив, по другую сторону костра Шаман с трубкой, а справа старик, застывший, по видимому в полушаге от нирваны.

Окружающая местность была под стать этой выдающейся компании. Сумрачный пляж под низким тёмным небом, отражающимся в тонированном зеркале неподвижной воды.

Единственный, кроме нашего костра источник света – ярко-красная полоса закатившегося за край земли Солнца между сходящимися бесконечностями воды в обычном и парообразном состоянии.

По пляжу туда и сюда бродили люди. Вроде бы бесцельно, но с деловым озабоченным видом. Почти никто не лежал, сидящих на песке было не много, а купающихся вообще ни одного.

Несмотря на темноту, холодно не было. Жарко, впрочем тоже. Да и люди были одеты явно не для отдыха, во что-то невнятного покроя серое и длиннополое. И ещё ропот. Сначала то я думал, что это прибой, но когда мимо костра прошли две молодые, лет эдак пятнадцати девушки, понял – это тысячи говорящих с одной интонацией и громкостью голосов сливаются в один бесконечный речитатив.

— Я всё понимаю, — говорила одна, — всё, кроме одного, зачем Бондырева проколола себе язык?

Быстро пройдя через освещённое костром пространство, их фигуры стали удаляться. Зато с одеждой стало всё ясно, они носили самые обычные саваны.

— Ленка баба путёвая, — донёсся ответ второй, прежде чем их голоса растворились в вербальном Стиксе.

Вообще, люди бродящие по пляжу старались держаться от нас подальше, а если кто-то прогуливаясь и оказывался поблизости, то ускоряли шаг. На костёр и на нас, сидящих за ним никто не смотрел. Мы явно их раздражали и пляжники не хотели иметь с нами ничего общего. И хоть их походка была напряжённой, а глаза открытыми, но создавалось полное впечатление, что все они спят. И просто ходят во сне.

Сидящие же за костром были полной их противоположностью. Спокойные, но очень живые глаза, по крайней мере, у двоих, о старике сложно было что-то сказать, он, кажется, присутствовал с нами лишь частично. Да и одеты все трое были нормально, как одеваются, собираясь по осени в лес, грибники. Так что я испытывал небольшую неловкость за свою пижаму.

Встретив взгляд раскурившего свою трубку шамана, и решив, что условности здесь вряд ли в почёте, спросил:

— Почему пижама? В жизни ничего такого не носил.

— Он носил,- шаман показал мундштуком на молодого. Тот смутился и загремел цепью. Теперь стало видно, что она прикована амбарным замком к его левой лодыжке, а другой конец теряется в темноте за его спиной.

— Это чтобы ты помнил, где находишься, — мягко поведал он.

— А где я нахожусь?

— Там же где и все. Во сне.

— Ну, что-то такое я и подозревал. Так всё это, — я обвёл рукой полосу пляжа, чёрную воду, огненный горизонт и тьму в противоположной от него стороне. Возможно, там была пустыня. Или горы. — Это всё просто мой сон?

— Вся жизнь — просто сон.

Я повернул голову направо, старик, произнёсший сакраментальную фразу, вышел из транса и теперь просто смотрел на огонь.

— Главное не забывать об этом, — начал пояснять после короткой задержки средний шаман, — а для этого нам даны правила.

— Первое правило, — поднял указательный палец правой руки шаман с цепью (мне сразу показалось, что сквозь него широко улыбнулся Дружище Квак) — Помни, что ты спишь. Второе правило, — продолжал он, — если тебе покажется что всё происходящее реально, вспомни о первом правиле. Третье правило, никогда не говори объектам твоего сна, о своём сне. И четвёртое, если они постараются убедить тебя в своей реальности, вспомни об первом правиле. Всё просто, не так ли?

— Несомненно. Все спят и все просто объекты моего сна...

— Да нет, — шаман напротив покачал головой и передал трубку молодому. — Они, — он показал рукой на пляж, — спят и думают что их сон это единственно возможная жизнь. В своих снах они водят автобусы, работают менеджерами, составляют бухгалтерскую отчётность... и никогда не видят окружающей их тьмы.

— А то, что в своих снах они видят друг друга, — молодой, после того как к нему попала трубка, сидел, покачиваясь, и говорил с закрытыми глазами, — так в этом ничего удивительного. Кого ещё им там видеть?

— Светает, — негромко сказал старик.

Действительно, то, что я принимал за закат, оказалось рассветом, и окружающий сумрак посерел, а из-за горизонта начинало вставать Солнце, превратившее красную полосу неба в золотую, правда с красным отливом. Чёрные тучи сразу оказались обычными, хоть и плотно сбитыми облаками.

Под повеселевшим небом начались и другие перемены. Пляжники в саванах один за другим ложились на песок, многие парами и застывали в неподвижности. Солнце полностью взошло над водной гладью, высветив весь пляж. Там, куда попадали его лучи, лежащие люди начинали таять и исчезали.

Я повернулся к шаманам, надеясь, получить объяснения и заметил, что молодой тоже начал немного мерцать, но когда он стал полупрозрачным, металлически звякнула цепь, и он снова материализовался с широко раскрытыми глазами.

— Чуть не заснул, — встретив мой недоумённый взгляд, пояснил он.

— А те, на пляже?

— Да они и не просыпались, — он пожал плечами, — просто пришло время продолжить...

— Водить автобусы, — вставил старик, и они беззвучно захохотали.

— Тебе тоже пора продолжить, — отсмеявшись, шаман с трубкой принял, преувеличено торжественный вид.

— Что? — Мне порядком уже надоела предсказуемая последовательность собственных вопросов, но разбить её, поинтересовавшись чем-то вроде дороги в библиотеку, времени уже не осталось.

— Интервью, — затянувшись, он выпустил мне в лицо струю ледяного дыма.

И всё сразу стало ясно. Все вопросы нашли свои ответы. Истина оказалось такой простой, что за неё было обидно. Вся тайна бешеного лягушонка, летающего на невидимом мотоцикле, заключалась всего-навсего в шаманском дыме. А бескрайняя, как казалась недавно вода, была просто широкой речкой. Я ещё успел помахать маленькому как муравей Перевозчику, когда он проплыл на своей бадейке далеко вниз.

Ад

Ад трудно описать, ограничусь несколькими картинками. Вот Гора, написал бы, что она стоит в центре Преисподней, если бы у неё был центр. Но ощущение, что действительно в центре, как Эйфелева башня в Париже. Я не материален. Гость, абстрактная точка зрения, из которой или правильнее сказать, которая, может видеть всё, что захочет. Сейчас я концентрирую внимание

на Горе. Она приближается.

Чёрная, с одной стороны отвесная, как будто ножом обрезана. С этой стороны вниз прыгают люди. Самые материальные люди, не души или духи какие-нибудь. Нет, видно, что тела настоящие, когда в полёте их начинают рвать стаи воронов, которых здесь великое множество. Так что к подножию падают только обглоданные кости самоубийц. Это на самом деле самоубийцы. Как объяснил мой гид, здесь собраны те, кто покончил с собой, спрыгнув с высоты.

Потом отяжелевшие вороны приземляются, и их начинает рвать сожранным. Куски плоти прилепляются к костям, которые сами собираются в скелеты и через несколько мгновений человек встаёт и занимает место в очереди. Она тянется от вершины до подножия и огибает Гору три раза.

— Почему они прыгают, их ведь никто не заставляет, — спрашиваю у Квака. Самого его не вижу, но слышу его голос и ощущаю близкое присутствие.

— Душа, — объясняет он, — сохраняет после смерти тела то духовное состояние, в котором встретила смерть. Если у человека была единственная мысль, покончить с собой, то он так и будет существовать под её управлением...

— Но то душа, а эти то имеют настоящие тела!

— Закон гласит, что душа должна попасть в самое подходящее для неё место во Вселенной. Самое подходящее место для этих - тут. Если, не дай Бог, они оказались бы в Раю, их души мгновенно сгорели бы от тамошнего сияния!

Справа от Горы (если тут вообще есть такие понятия), находится лес. Все деревья и кусты в нём вместо листьев имеют бритвенные лезвия, а трава напоминает ножи. В переплетении корявых ветвей пытаются двигаться или наоборот, застыть на месте, какие то люди. Как и все грешники, они полностью обнажены. Это тоже самоубийцы. Те, кто прибегнул к помощи острой стали. При каждом неосторожном движении они теряют куски тел. Не хочу на это смотреть.

Внимание быстро перескакивает в долину за лесом. Тут ещё хуже. Людей рвут на части стаи бешеных собак. Эти, — говорит Квак, — жили за счёт насилия над людьми, животными, природой...

Странно, но сквозь рычание зверей слышится детский плач.

— Тут не далеко собраны те, кто делал аборты, — поясняет мой гид. - Женщины, врачи, но я бы не советовал тебе на это смотреть, зрелище даже по здешним меркам не из приятных.

Не буду, конечно.

Хочу найти место поспокойней, подальше от этих флюидов ненависти и переношусь в тихое ущелье. Тут очень холодно. Сам этого не ощущаю, но вижу иней на обнажённых телах. Стены ущелья просто так светятся ледяными отблесками, но красивого тут ничего нет. Когда кто-нибудь из людей невзначай прикасается к ним или к разбросанными тут и там камням, он мгновенно примерзает и оставляет на них куски своей кожи.

— Они при жизни использовали красоту своих тел не по назначению, — прокомментировал Квак.

— Но разве это справедливо? Так с ними обращаться?

— А когда ты обжигаешься, ты ведь не думаешь, что огонь к тебе не справедлив? Таков наш мир.

— Но зачем такие муки?

— Все вопросы к закону сохранения энергии. Если человек совершил зло, то его энергия будет сопровождать его душу, куда бы она не пошла. А идти с такой тяжёлой энергией она может только вниз. Сюда.

— А муки то причём?

— Вселенная состоит из энергии. Все её многочисленные пространства состоят из энергии. Какую энергию несёт в себе душа, в то пространство и направляется. Тёмная энергия должна уничтожаться. При её уничтожении душа, несущая её мучается. А то, что ты видишь, лишь внешнее проявление этого процесса.

— Значит, когда душа расплатится, то может спастись?

-Может получить ещё один шанс побывать человеком.

— А есть те, кто не смог расплатиться?

— Сколько угодно.

Поверхность на которую я смотрел становится прозрачной. Под ней бушует огонь.

— Сгорают?

— Да.

— Ну, для некоторых это было бы легче, чем терпеть вечные муки...

— Не легче. Это самое дно Ада, самое худшее его место. Душа здесь сгорает мгновенно, но для неё этот миг растягивается на миллиарды лет!

— И по какому закону это происходит?

— Всё по тому же. Если человек виновен в мучениях миллионов, то за меньшее время его тёмная энергия просто не успеет преобразоваться. А если она останется не преобразованной, то будет причинять вред невинным людям. Нет, каждый за себя расплачивается сам.

— Кстати, наверху есть люди, которые поклоняются Сатане, куда они попадают?

— Сюда, конечно!

— А они получают какую-нибудь выгоду от своей веры, чем они отличаются от обычных грешников?

— Только одним. У большинства всё же есть возможность, расплатившись по счетам вернуться. У некоторых даже есть надежда на спасение. А у этих ничего этого нет.

— Но многие из них стали сатанистами для прикола, на самом деле они ни во что не верят!

Чувствую, что мой невидимый собеседник пожимает плечами.

— Их никто не заставлял. У нас полная свобода воли.

Дружище Квак, (он снова вернулся к своему двухметровому размеру), выключает телевизор. Я на кухне. За окном тучи, дождь, молнии.

— Последний вопрос, говорю, видя, что он собирается распрощаться. - Почему Вы выбрали образ именно Дружище Квака?

— Ты ведь любишь Мураками?

— Да.

— Ну вот, я тоже!

И исчез.

<http://tl.rulate.ru/book/33992/740831>